

УДК 339.923

ББК 67.404.013.11

Красильникова Татьяна Константиновна,
канд. юрид. наук, доцент, докторант кафедры
теории права и государства Волгоградского
государственного университета,
доцент кафедры истории, политических
и правовых учений Волжского гуманитарного
института (филиала) Волгоградского
государственного университета,
г. Волжский,
e-mail: kun_krasilnikova@mail.ru

Krasilnikova Tayana Konstantinovna,
candidate of law, assistant professor, working on the doctor
degree at the department of the theory of law and state
of Volgograd state university, assistant professor
of the department of history, political and legal studies
of Volzhsky humanitarian institute (branch)
of Volgograd state university,
Volzhsky,
e-mail: kun_krasilnikova@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ТОРГОВЫХ КОРПОРАЦИЙ В XVII–XVIII ВВ.

STATE-LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN GOVERNMENT CONCERNING THE TRADE CORPORATIONS IN XVII–XVIII CENTURIES

Данная статья посвящена организации и деятельности торговых и промышленных корпораций в России в XVIII веке. В ней рассматриваются исторические условия зарождения корпоративного предпринимательства в России как объекта правового регулирования, а также те социально-экономические и политико-правовые факторы, которые определили его эволюцию, место корпораций в системе юридических лиц; раскрываются основные направления деятельности российского правительства по введению компанейской формы предприятий в России. В работе выявляются общие и отличительные черты процесса внедрения корпоративной формы хозяйственных объединений в России и странах Западной Европы в период Нового времени. Обращается внимание на особенности юридического статуса корпоративных организаций и правовых изменений, вносившихся в российское законодательство в ходе динамики их развития, возникающих внутри них отношений между участниками, а также их взаимоотношений с государственной властью.

This article is dedicated to arrangement and activity of commercial and industrial corporations in Russia in XVIII century. This article focuses on historical conditions of the origin of Russian corporate business activity as an object of legal regulations, as well as on the social-economic and political-legal forces that determined its evolution and the place of corporations in the legal entities system; reveals the main directions of Russian government activity in terms of social enterprises establishment in Russia. This project uncovers the main and distinctive features of the corporate form of economic associations' introduction in Russia and the Western Europe in the New Age period. The author emphasizes the specifics of legal status of the corporate organizations and legal changes incorporated into the Russian legislation during their development, the relationship between their participants, as well as their relations with the state authorities.

Ключевые слова: торговые и промышленные корпорации, морская компания, горная компания, казенная мануфактура, коммандитно-акционерное общество, акция, монополия, привилегия, Мануфактур-коллегия, Коммерц-коллегия.

Keywords: trading and commercial corporations, marine company, mining company, governmental manufacture,

commandite joint-stock company, stock, monopoly, privilege, Manufacture collegiums, Commercial collegiums.

Практический интерес к хозяйственным корпорациям в России появился к концу XVII века, как и в Германии, в правительственных кругах, а не в торговой сфере.

Условия, благодаря которым стали возникать компанейские предприятия в России в начале XVIII столетия, были двоякого рода: одни из них коренились в народной жизни, другие были порождены правительственной политикой.

Так, например, в некоторых действующих к тому времени в России артелях нельзя было не видеть зародышей компанейской формы предприятий. Примером тому были промысловые артели: вместе с рядовыми членами артели в предприятии нередко участвовал и сам хозяин-предприниматель, ссужавший их своим капиталом; встречались артели, члены которых не только сами трудились, но и вкладывали в предприятие свои капиталы [1, с. 15].

Впрочем, русское правительство в XVIII веке едва ли сумело воспользоваться этими древними формами предприимчивости и предпочло, не уничтожая старых типов, для преобразования которых потребовалось бы много времени, умения и сил, развивать другие союзы, более сходные с европейскими торговыми компаниями. Таким образом, задерживая перерождение крупных артелей в новые организации, государственная власть устраняла естественный процесс, через который прошли западноевропейские корпорации.

Следует признать, что «компанейские предприятия» начала XVIII века не были совершенно новым делом, и их возникновение едва ли можно было бы приписывать исключительно правительственной политике, и тем более лишь указам Петра I, который только усилил развитие подобного рода явления в фабричном производстве и торговле. До Петра I выгоды такой организации уже сумел разглядеть руководитель Посольского приказа периода царствования Алексея Михайловича А. Л. Ордын-Нащокин, попытавшийся в противовес иностранным компаниям создать нечто подобное и среди русских купцов. По его мнению, в состав торговых компаний наряду с зажиточными купцами должны были войти и «малоимущие» торговые люди. Тогда как в начале XVIII века большая часть компаний оказалась в руках крупных капиталистов.

В 1699 году вышел указ Петра I, содержание которого было следующим: «Московского государства и городовым всяких чинов купеческим людям торговать так же, как торгуют в иных государствах торговые люди, компании, от чего надлежит быть в сборе к его Великого Государя казны пополнению компаниями» [2, т. 3, № 1706]. Тем самым в самом указе ясно была определена его цель – фискальная: члены компании, объединяя свои капиталы, оказывались связанными круговой порукой по своим обязательствам перед казной. В последующих указах 27 октября 1706 года [Там же], 2 марта 1711 года [Там же. Т. 4, № 2330] повторялась та же мысль о необходимости и для русских людей торговать «компаниями» по образцу западноевропейских колониальных компаний.

В первой половине XVIII века компанейскую форму предприятий русское правительство считало самой выгодной для производства [Там же. Т. 7, № 4348, п. 15], но при допущении иностранных компаний оно стремилось стоять на страже прежде всего национальных интересов.

Едва ли не последним обстоятельством, способствовавшим развитию компанейских предприятий, являлось ослабление казенной предприимчивости в пользу частной промышленности, к которой, разумеется, относились и компании. Бывали случаи, которые убеждали правительство в желательности сдавать казенные фабрики и торги крупным предпринимателям и компаниям. Новое направление политики обнаружилось с 1711 года, а в регламенте Мануфактур-коллегии указанная точка зрения была выражена в предписании следующего характера: «Казенные фабрики, уже заведенные и те, которые будут заведены, передать частным лицам» [Там же. Т. 7, № 4378]. Это правило правительство стало активно применять к промышленно-торговым предприятиям, которые были убыточными для казны.

В силу особого желания правительства сдавать в наем казенные фабрики и торги крупным предпринимателям и компаниям Петр I не скупился на льготы и привилегии, он не остановился даже перед освобождением заводчиков «от службы».

В свою очередь, торговые и промышленные компании стремились получить монополию на производство того или иного изделия, исключительное право на ввоз и продажу на территории государства товаров или исключительное право на их вывоз [3, с. 182].

Отличительной чертой русских компаний начала XVIII века было то, что многие из них создавались прежде всего для получения в откуп казенной мануфактуры, промысла или казенных земель. Так, например, хотя на торговлю солью государство сохраняло монополию, тем не менее солеварение и поставки соли для казны передавало в откуп компаниям.

Иногда наряду с имуществом в откуп передавались еще и налоги. Так, например, в откуп на четыре года, с 1742-го по 1748-й, московскому купцу Матвееву с его товарищами были отданы таможенные пошлины в Нижнем Новгороде, за что компания обязывалась ежегодно выплачивать 10985 руб. [4, с. 131].

В 1739 году было принято правительственное решение, в соответствии с которым горные заводы передавались частным компаниям. Для претворения этого решения в жизнь было объявлено об учреждении во главе с бароном фон Шембергом горной компании, получившей большинство горных заводов. Подобная льгота была предоставлена потому, что негласно в данном товариществе состоял все-

сильный герцог Бирон. Однако как только Бирон оказался в немилости, промыслы в 1742 году у компании были отняты и возвращены в казну.

В регламенте Мануфактур-коллегии 1723 года было предписано выдавать привилегии с осторожностью, а учредителей новых фабрик по таким отраслям производства, которые уже существовали ранее, «до того не допускать» [2, т. 7, № 4378].

Многие привилегии состояли в наделении компаний постоянными капиталами (дворами, зданиями, землями, оборудованием), а также частью оборотного капитала, то есть денежными беспроцентными ссудами, которые не всегда возвращались обратно в казну [Там же. Т. 2, № 4540]. Большинство этих предприятий принадлежало к разряду суконных, снабжавших казну суконными изделиями для армии. Для сравнения сошлемся на факт создания на основе высочайшего указа от 23 декабря 1735 года особой компании из «московских купцов для выделки плащенного и волоченного серебра и золота» [Там же. Т. 9, № 6850]. Данный указ освобождал компанию от пошлин, а компанейские дворы – от военного постоя; компания получила монополию, но не получила казенной субсидии. А вот компания под фирмой купца Евреинова, пожелавшая завести в Москве суконную фабрику, получила из казны 10000 руб. в виде займа без процентов, а также получила мастеровых людей с суконных фабрик для обучения на один год. Эти привилегии, а также освобождение компании от внутренних пошлин на десять лет своим основанием имели казенные потребности: фабрика была обязана производить сукно для войск [Там же. Т. 9, № 7060].

Казна превращалась в своего рода банкира, ссужавшего предпринимателей более или менее крупными капиталами, что, разумеется, давало ей право осуществлять контроль за деятельностью компаний. К числу средств, облегчавших капитализацию, следует причислить и те податные льготы, которые правительство предоставляло крупным предприятиям, в том числе компаниям. Кроме того, промышленные компании получили много других привилегий, вошедших в регламент Мануфактур-коллегии, изданный в 1723 году: прежде всего это право монопольной торговли отдельными видами товаров, снабжение казенной субсидией «с ведома Сената», право владельцев компаний жить во дворах, освобожденных от поста воинских команд, право на специальный суд в ведомстве Мануфактур-коллегии – все это делало положение владельцев компаний исключительным.

Нельзя утверждать, что русские компании начала XVIII века были исключительно частными хозяйственными объединениями. К тому же даже частная инициатива должна была получить государственное одобрение в лице какой-либо коллегии (чаще всего Мануфактур-коллегии или Коммерц-коллегии), а потом – утверждаться Сенатом. Компании, испрашивающие монополии и привилегии, обращались через Сенат к самому императору. Они подлежали жесткой внешней и внутренней регламентации со стороны соответствующих государственных органов.

В большинстве случаев именно государство в лице императора отдавало распоряжения об организации компаний. Размер имущества и состав участников также определялись центральными органами управления, которые иногда также требовали предоставить образцы изделий и принудительно устанавливали цены.

В первой половине XVIII века российские компании стали выполнять еще одну миссию – участвовать в освое-

нии новых территорий и промыслов. Таким образом, подобно западноевропейским колониальным компаниям, российские компании выполняли не только частные, но и публичные функции.

Всем известным примером того выступала Российско-американская компания, которая превратилась из купеческо-промышленного объединения в крупную монопольную корпорацию. С предоставлением данной компании монопольных прав и привилегий Павлом I, с одной стороны, был подписан приговор частному предпринимательству на Тихоокеанском Севере, а с другой – при помощи нее была закреплена принадлежность тихоокеанских колоний к России.

Российско-американская компания более полно сочетала торговые функции с обязанностями колониального управления русскими владениями в Америке [5, с. 118]. Хотя важно подчеркнуть, что «полных» правительственных полномочий у нее не было. Так, компания не могла чинить суд и расправу в отношении местного населения этих владений.

19 октября 1800 года император Павел I приказал перевести Главную контору из Иркутска в Санкт-Петербург. Это перемещение изменило структуру, управление и сам административный аппарат Российско-американской компании. Немногие из купцов – членов компании могли в те времена позволить себе путешествия из Иркутска в столицу для участия в общем собрании акционеров. Данное нововведение в скором времени привело к тому, что высокопоставленные чиновники и богатые дворяне, проживающие в Санкт-Петербурге и Москве, стали основными держателями акций Российско-американской компании [6, с. 99].

Очень важным является вопрос о взаимоотношениях Российско-американской компании с правительством России. В научной литературе по данному вопросу определились две противоположные позиции. Одну из них высказал официальный историк данной компании XIX века А. Тихменёв [7]. Процесс взаимоотношения компании и государства он рассматривал скорее как процесс сотрудничества, нежели жесткого правительственного надзора. Автором противоположной точки зрения являлся известный советский историк С. Б. Окунь, который рассматривал Российско-американскую компанию исключительно как государственное предприятие. По его мнению, царское правительство стремилось использовать Российско-американскую компанию прежде всего для реализации своего плана экспансии, который предполагал закрепление России на западном побережье Северной Америки, включая Калифорнию и Гавайские острова. Образование данной компании диктовалось стремлением правительства в Санкт-Петербурге использовать подконтрольную государству мощную монопольную организацию в целях усиления позиций империи и противодействия иностранному проникновению в Северо-тихоокеанском регионе [8, с. 93].

Однако, по мнению современного историка А. Ю. Петрова, ни опубликованные, ни архивные данные не содержат прямых доказательств наличия у правительства грандиозного плана экспансии, который предполагал бы закрепление России на западном побережье Северной Америки. Более того, государство весьма неохотно отстаивало свои территории на севере Тихого океана [5, с. 128]. Неслучайно в соответствии с текстом «привилегий» Российско-американской компании 1799 года говорилось, что ей разрешалось занимать открываемые земли, но лишь только

в том случае, когда «оньей никакими другими народами не были заняты и не вступили в их зависимость» [7, ч. 1, с. 19–20].

Насколько правительство России могло влиять на дела компании? Государственный контроль мог быть как внешним (контроль за ее деятельностью, участие в разработке ее нормативных актов и контроль за их выполнением), так и внутренним контролем, под которым следовало понимать не что иное, как влияние правительства на процесс принятия решений в компании, участие в организации ее деятельности: правительство могло располагать пакетом акций компании и с помощью него голосовать на собраниях акционеров, влияя тем самым на принятие решения. По мнению российского исследователя А. Н. Ермолаева, «почти все 7 тыс. акций компании находились в частных руках, но при этом очень многие акционеры занимали государственные должности», а потому «очень трудно было однозначно определить их интересы и влияние на дела компании» [9, с. 13].

С момента создания Российско-американской компании правительство приняло решение о передаче ее в ведение Коммерц-коллегии. Однако при принятии устава 1799 года компании удалось избежать установления контроля со стороны конкретного государственного ведомства, оказавшись под покровительством самого императора Павла I. По указу Александра I 1811 года компания должна была передавать необходимые сведения о себе императору через министра внутренних дел. Однако в данном указе не сообщалось о содержании отчетов компании, их форме и регулярности подношения.

В ноябре 1819 года департамент мануфактур и внутренней торговли был передан из Министерства внутренних дел в Министерство финансов [2, т. 36, № 27964, ст. 367]. В ведении этого министерства компания оставалась вплоть до своей ликвидации. В связи с истечением срока действия прежних правил в августе 1821 года проекты новых правил и привилегий, написанные в Министерстве финансов, были переданы на рассмотрение в Главное правление компании. Наиболее серьезные замечания, сделанные общим собранием акционеров и советом компании, относились к п. 36 и 37 проекта правил, где говорилось о правительственном надзоре. Компания предлагала не назначать в качестве попечителя министра финансов, так как по роду своей деятельности ей необходимо было иметь тесные контакты со всеми министрами [9, с. 99]. Однако правительство не прислушалось к мнению компании, в сентябре 1821 года новый устав компании был утвержден императором Александром I.

В новом уставе впервые были записаны обязанности компании перед правительством, а также предусматривалось разделение ответственности за деятельность данной компании между ее руководством и Министерством финансов. По второму уставу большинство ее служащих получали права и преимущества государственной службы. Однако при всем том данная компания так и не стала государственной организацией, продолжала существовать за счет своих внутренних резервов.

На рубеже 20-х годов XIX века с участием государства стала складываться система управления колониями. В это время правители колоний подчинялись одновременно и правлению компании, и правительству России. Правитель не имел права вести самостоятельный бизнес, а должен был довольствоваться жалованьем, выплачиваемым ему компанией [7, с. 60].

В 1844 году был принят третий устав компании, который ничего нового в систему управления колониями не внес. Внедрения государственных чиновников в администрацию Русской Америки так и не произошло. И лишь проект нового устава 1863 года предлагал, во-первых, передать Российско-американскую компанию в ведение морского министерства, а во-вторых, вводил пост независимого от компании военного губернатора, при котором должен был состоять содержащийся за счет морского ведомства Колониальный совет. В этот совет наряду с чиновниками должны были войти представители Российско-американской компании. Внедрение новой системы управления колониями, предполагающей параллельное существование в Русской Америке государственной власти и администрации компании, так и не было завершено. В 1867 году русские владения были проданы США.

Отношение к компаниям со стороны правительства, объем предоставляемых им привилегий во многом зависели от того, какие надежды возлагало государство на каждую из них, а также в зависимости от того, кто занимал руководящие должности в компании и кто каждой из них покровительствовал. В свою очередь, передача правительством многих казенных предприятий частным лицам и компаниям на их содержание была в интересах не только казны, но и влиятельных лиц, искавших в эксплуатации «казенного имущества» собственную выгоду.

Имеющие место в XVIII веке колебания в сфере торгово-промышленной политики правительства были обусловлены, во-первых, тем, что влиятельные люди стремились завладеть наиболее доходными казенными промыслами, а во-вторых, тем, что обстоятельства, благоприятствующие тому или другому влиятельному лицу, были очень изменчивы, чему способствовали частые смены правительств. С каждым новым правительством место прежних влиятельных людей занимали новые, желавшие, подобно своим предшественникам, при помощи связей приобрести себе различного рода экономические блага на законном основании.

Правительство XVIII века, отдавая казенные мануфактуры в частное содержание компанейщиков, строго наблюдало за их содержанием и не допускало в них новых участников без особого на то разрешения, запрещая учреждать компании без ведома центральных присутственных мест (Мануфактур и Коммерц-коллегий). Бывали случаи, когда правительство определяло размеры капитала, который должны были вложить товарищи в предприятие, распоряжалось составом мастеровых по собственному усмотрению, устанавливало вид, форму и цены на те товары, которые поставлялись в казну, и порой даже запрещало продавать их в розницу.

Тем самым только на время и лишь на определенных условиях правительство передавало свое право на торговлю компаниям, нисколько не отказываясь от него и поэтому оставляя за собой контроль над деятельностью частных компаний.

Некоторые из созданных в России в то время компаний, в сущности, довольно близко подходили к командитно-акционерным обществам. Капиталы многих из них (например, морских компаний 1757–1758 гг.) уже состояли из акционерных паев. Возможно, однако, что эти акции продолжали оставаться именованными, как в большинстве западноевропейских компаний того времени. Акционеры таких обществ получали ежегодно прибыль и несли ответствен-

ность по обязательствам предприятия пропорционально сумме внесенного каждым из них вклада.

В уставах морских компаний, кроме того, встречалось требование дополнительных взносов от их членов том случае, если первоначально вложенного в предприятие капитала не было достаточно для расширения оборота. Если акционер не желал внести дополнительный взнос, то он был вправе продать свои акции или членам компании, или другим лицам [2, т. 14, № 10694, 10848].

Со второй половины XVIII века наметилась обратная тенденция к быстрому исчезновению ранее созданных компанейских предприятий. Среди причин – разорение отдельных компаний, раздоры самих компанейщиков, еще не вполне привыкших к коллективно-организованным предприятиям и постоянно стремившихся при первом удобном случае произвести раздел принадлежавшего им имущества.

Еще одной особенностью являлась многословность участников компаний. Очень часто компании прекращали свое существование на почве внутренних разногласий из-за приоритета родословной или положения сословий. Этим, может быть, объясняется, почему компании, в которых принимали участие дворяне и купцы, как, например, Ф. Апраксин с М. Евреиновым или Ф. Веневитинов с купеческим человеком П. Гордениным и другими, распались довольно скоро. Возникавшая сословная рознь побуждала дворян отделяться от купцов и основывать свои дворянские мануфактуры, которые гораздо чаще бывали единоличными, чем компанейскими.

Однако распадались и однословные компании в связи с тем, что их участники предпочитали вести хозяйственную деятельность самостоятельно.

Впрочем, такое явление, как переход коллективных предприятий в руки единоличных владельцев, находилось в зависимости и от других обстоятельств, ввиду которых компанейские предприятия становились не столь нужными к концу рассматриваемого периода, как в его начале. Меньший риск, сопряженный с промышленными предприятиями, более развитый частный и государственный кредит, а также более устойчивый вексельный курс, конечно, облегчали зарождение единоличных предприятий, что, разумеется, отвлекало свободные капиталы от компаний. Лишь применительно к морским торговым предприятиям эта форма все еще казалась особенно желательной.

Следует заметить, что российское общество, да и само правительство, охладело к «компанейской форме» предприятий и ввиду тех привилегий, с которыми обыкновенно было связано само представление о подобного рода корпорациях. Так, правительство не замедлило убедиться в том, что крупные предприниматели злоупотребляли данными им привилегиями и что покровительство с его стороны приводило к вредным последствиям как для всего народного хозяйства, так и в частности для казны.

Окончательный поворот в правительственной политике наступил лишь с воцарения императрицы Екатерины II, которая пошла на отмену монополий. Правительство России этого времени, отвергнув систему монополий, стало оказывать умеренное покровительство лишь самым крупным предприятиям, сопряженным со значительным риском.

На основании вышеизложенного можно заключить, что с экономической точки зрения вопрос о жизнеспособности русских компаний в XVIII веке определялся тем, что данные формы ассоциаций оказались довольно выгодной формой предприятий, но еще слишком мало согласовыва-

лись с нравами русского общества и отчасти были дискредитированы в его глазах чрезмерным покровительством государственной власти. Но, несмотря на содействие со стороны государства, российские компании на первых порах не могли приобрести того общественного значения, какое союзы подобного рода имели в Западной Европе, а со вто-

рой половины XVIII века лишились и выгодной им поддержки со стороны русского правительства, которое стало убеждаться в том, что хозяйственные выгоды частных лиц зачастую не совпадают с интересами всего общества и фискальными целями; ввиду этих соображений оно отказалось от прежнего покровительства компаниям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лаппо-Данилевский А. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. Исторический очерк. СПб., 1899.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗ-1). СПб., 1830.
3. Тарасов И. Т. Акционерные компании // Сборник государственных знаний. 1878. № 6. С. 180–218.
4. Фирсов Н. Н. Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII столетия. Казань, 1896.
5. Петров А. Ю. Образование Российско-американской компании. М.: Наука, 2000. 153 с.
6. Дмитришин Б. Административный аппарат Российско-американской компании, 1798–1867 // Американский ежегодник. 1993. М., 1994.
7. Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. Т. 1–2. СПб., 1861–1863.
8. Окунь С. Б. Российско-американская компания. М.-Л., 1939.
9. Ермолаев А. Н. Российско-американская компания и императорское правительство: государственный контроль за деятельностью акционерной монополистической организации (1799–1867): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000.

REFERENCES

1. Lappo-Danilevsky A. Russian commercial and trading corporations in the first half of XVIII century. Historical quiz. St. Petersburg, 1899.
2. The full collection of the Russian Empire laws. Collection 1 (PSZ-1). St. Petersburg, 1830.
3. Tarasov I. T. Stock companies // Collection of state knowledge. 1878. No. 6. P. 180–218.
4. Firsov N. N. Russian trading and commercial corporations in the first half of XVIII century. Kazan, 1896.
5. Petrov A. Yu. Establishment of the Russian-American company. Moscow, 2000.
6. Dmitrishyn B. Administrative staff of the Russian-American company, 1798–1867 // American annual book. 1993. Moscow, 1994.
7. Tikhmenev P. Historical quiz on the Russian-American company establishment and its actions till present time. Vol. 1–2. St. Petersburg, 1861–1863.
8. Okun S. B. The Russian-American company. Moscow-Leningrad, 1939.
9. Yermolayev A. N. The Russian-American company and the Empire Government. State control of the actions of the stock monopoly organization, 1799–1867: abstract of the dissertation of the candidate of history. Kemerovo, 2000.

УДК 343
ББК 67.911.15

Улезько Иван Сергеевич,
прокурор отдела по надзору за полицией
прокуратуры Омской области,
г. Омск,
e-mail: Litas2011@yandex.ru

Ulezko Ivan Sergejevitch,
Prosecutor in charge of supervision the police
of the Omsk region office of public prosecutor,
Omsk,
e-mail: Litas2011@yandex.ru

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ГОРНЫХ, СТРОИТЕЛЬНЫХ ИЛИ ИНЫХ РАБОТ

CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES IN THE SPHERE OF ENSURING THE SAFETY RULES DURING MINING ACTIVITIES, CONSTRUCTION OR OTHER WORKS

Статья посвящена сравнительному анализу уголовного законодательства Германии, Голландии, Франции, Польши, Японии, Турции и стран – участниц Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения правил безопасности при проведении горных, строительных или иных работ. Определяются общие положения при конструировании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушение правил безопасности в этой

сфере деятельности. Родовым объектом данных преступлений признаются общественные отношения в сфере общественной безопасности, дополнительными объектами могут выступать жизнь, здоровье и собственность. В отличие от отечественного уголовного законодательства во многих странах наряду с противоправными действиями в сфере строительства устанавливается ответственность за нарушения при проектировании.